

* * *

На столе — в рассоле кильки,
чай, бумага, авторучка,
томик Бродского и Рильке.
Так сию я — самоучка,

сочиняю — не дается
рифма, лягу — и не спится.
Ветер-псих о стекла бьется:
где ты, желтая больница?

Матом водку злую кроют
люди пьяные во мраке.
А в лесу метельном воют
одичавшие собаки.

Там под белым одеялом
дремлет ель — зимы подруга.
Там над миром обветшалым
ночь томительней недуга,

ночь губительная — горе
со своей повадкой душной.
Может, есть прекрасный город
в джунглях — в Гватемале южной?

* * *

Я — лист, я — птица, я — звезда.
Меня забросили сюда,
чтоб я светил, и пел, и плакал.
Даны мне кошка и собака,
и криворукая жена.
Когда над лесом тишина,
я говорю с водой и камнем.
Еще в святые не пора мне,
но надо многое успеть:
допеть, доплакать, догореть
и раствориться в темной чаше.
Небытие мне меда слаще —
душа, я знаю, никогда
не умирает, и звезда,
и лист, и птица, и за тучей
прохладный ветерок летучий.

* * *

Все вернется: улыбка младенца — в слезу,
и бутылка вина — в молодую лозу,
птица — в землю и бабочка — в кокон,
станет облако горным потоком.

Вот и мы превращаемся в пепел и пыль,
возвращаемся в землю, в зеленый ковыль.
Как ветра нас, беспечных, качали!
Было так оно в самом начале.

Было так до того, как пришли мы сюда,
до того, как «водой» называлась вода,
камень — «камнем» и «другом» — собака.
Даже то, что нам светит из мрака,
мы еще не назвали «звезда»!

* * *

Кто я такой? Преступник?
Ангел? Но где же кротость?
Хлеб я надел на прутик,
мелкий подбросил хворост.

Пляшет на жарких углях
гибкая саламандра.
Небо в далеких гулах
облачного театра.

Хлынет на землю влага,
хвойный промоет воздух.
Ровно четыре шага
до тишины на звездах,

до тишины за краем
всей внеземной мороки.
Дай совладать с раздраем,
Господи светлоокый!

В тучах над гулким бором
ночь полыхнула, точно
черный прикрикнул ворон:
«Ты — человек! И точка!»

* * *

Январским утром Выборг посетив,
привычно ожидаешь электричку
и звонкую, но мелкую наличку
в кармане пересчитываешь — жив!..

Жив — это да, но лишних два часа.
И плов берешь в дешевой чебуречной:
в окне пути, зеленый крест аптечный,
мороз насыпал звезды в небеса.

Там, вероятно, как-нибудь не так
устроено все-все, чего боишься.
Лишь на щеке, подрагивая, мышца
напоминает, кто ты. И во мрак
в тоске вперяясь, думаешь: «Земля,
пожалуй, лучше Беты Ориона.
По крайней мере, здесь тебе Харона
дадут бесплатно, дабы корабля
ты не покинул в ужасе, что счет
тебе предъявят за его услуги».
Ты помнишь, одолжил ты у подруги
три тысячи и до сих пор... О, черт!..

Шафраном рис подкрашен, и его
ты разгребашь вилкой осторожно,
припоминая музыку острожной
вчерашней вьюги... Только и всего.

* * *

Где решкой потертой ложится монета,
а город похож на седого горниста,
побудкой разъявшего глыбу рассвета,
там сыплются мертвые, влажные листья.

И вот из тумана зловещей громадой
встает феерический Выборгский замок.
Раскрашено небо карминной помадой,
как юные губы лесных поселянок.

А мне дожидаться опять электричек
и брать в автомате сомнительный кофе.
Да что там! Торгует корзиной лисичек
седая чухонка в коричневой кофте —

в глазах волхование вздыбленных сосен,
савраскиной звонкой дугой поясница...
Пылай, тонкоствольная финская осень!
На Тампере курс, перелетная птица!

* * *

Как чухонская прялка, над лесом стоит тишина,
где печальные сосны глядятся в зеркальную влагу.
Здесь когда-то звериные шкуры дарили варягу,
меда крепкую бочку, мешок золотого зерна.

Завтра хищные люди придут и растопчут грибы,
завизжат бензопилы, срезая упругие сучья,
и останется камень, да в небе свинцовая туча,
да в земле глубоко обесчещенных предков гробы.

Опускается солнце, скрываясь в болотине той,
где топили по пьяни чумазый трелевщик советский.
Чуть обсохли и синих чертей материли по-детски,
а поля зарастали высокой, как смерть, лебедой.

* * *

Жаркое лето стоит на страже —
пахнет брусникой, сырыми мхами.
Сон навевающий, ветер влажный
сосен смурных просквозил верхами.

Мог убаюкать трусишку-зайца,
перебежавшего мне дорогу,

пеночку (ишь, упорхнула, цаца),
но позабыл. Ну и слава Богу!

В эту землю и лягу, еще
не утону. Так пускай же тело
черви съедят и зверье растащит —
лишь бы душа, прощена, не тлела!

Лишь бы смиренно земные муки
все приняла, что Господь судил мне:
выборгской чаши ночные звуки,
долгое горе в моей пустыне.

* * *

Стоит, как мальчик без ботинок,
июльский полдень голубой.
Снуют стрекозы над водой
над белой нежностью кувшинок.
Я говорю себе: «Постой,
о чем ты? Сказано: разруха,
бардак, чиновники, война,
болеет бедная жена,
и деньги... чертова непруха!»
Но что там? Птица, и стройна
чета берез, и солнце... Странной,
невероятной и почти
чудесной, сбившейся с пути,
неповторимой, чемоданной
жизнь представляется... Свети,
звезда, в наш космос благодарный!

* * *

Ах, давай у замшелой скалы посидим
и вдохнем у костра растрепавшийся дым,
на котором похлебка согрета.
Даже наша большая планета
много мельче речного сырого песка
на ладони прожившего жизнь старика,
по сравнению с Млечной дорогой.
Помолчи! Родиолу потрогай!

Эти грубые листья сражаются за
свет и воду. Прикрой с уважением глаза,
размышляя, зачем и откуда
это полное мужества чудо?

Ты и я — это только сгустившийся прах,
усложненный до слова на наших устах,
до внезапного вздоха: «О Боже,
мы вгрызаемся в камни! Мы тоже!»

* * *

В сосновой роще ландыши,
как маленькие вкладыши
в большую книгу лета,
и солнце, как монета
из клада византийского.
А я стою и тискаю
на языке три слова:
«Любви первооснова —
страдание». Страдание?
Сосновой рощи здание
костел напоминает,
и я, как на Синае,
предвидя долю лучшую,
стою и Бога слушаю.